Систематический обзор
https://doi.org/10.18485/ips_vyzovy_prvsl.2025.ch14

Барашин Остоя
профессор, доктор наук, теоретическая социология
Независимый университет (НУБЛ)
Баня-Лука, Республика Сербская, Босния и Герцеговина
barasinostoja@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-6451-1796

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЕ КАК ДЕТЕРМИНАНТА ПОЛИТИЧЕСКИХ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Резюме

Работа посвящена проблеме религиозного фактора в боснийско-герцеговинской реальности. Цель работы — показать степень нестабильности и внутренних противоречий в многорелигиозном сообществе, таком как Босния и Герцеговина. Современная социология всё больше обращает внимание на явления политизации религии, её инструментализации и клерикализации, а также на возможность инструментального подхода к массам и манипулирования ими. Институционализация происходит по мере усложнения общественной жизни и заключается в превращении определённых видов социальной активности или поведения в различные социально приемлемые нормы. Ложные религии тоталитаризма заменили истинные. Возвращение религии в политику заметно повсеместно, в том числе и в Боснии и Герцеговине. Ключевые акторы политической сцены в БиГ по-разному интерпретируют причины кризиса, характер конфликта и будущее устройство и функционирование государственной структуры. Исключительность и нетерпимость являются главными барьерами для преодоления затяжного конфликта между народами в БиГ. Манипуляция религиозными чувствами и отсутствие единого общественного мнения способствуют тому, что БиГ остаётся всё дальше от истинной стабильности и совместной жизни всех граждан. Многочисленные исследования, посвящённые общим чертам мировых религий, подтверждают, что мира не может быть, если его нет между религиями и церквами. Пока религии не начнут исследовать то, что их

объединяет, особенно с теми, кто находится рядом, не будет настоящей основы для мира. В процессе написания работы преимущественно использовались историко-сравнительный метод, метод анализа содержания и индукция.

Ключевые слова: религия, конфликты, БиГ, политика.

Введение

«У нас есть достаточно религий, чтобы ненавидеть друг друга,
но недостаточно, чтобы любить друг друга.»
Джонатан Свифт

Существует множество определений религии, которые сильно различаются между собой. Такое состояние указывает на то, что определение понятия «религия» — вовсе не лёгкая задача. Это одновременно ставит вопрос о широте области социологии религии в стремлении достичь точного ответа на вопрос, что такое религия. Исходя из такого положения, многие социологи и антропологи утверждают, что лучше не пытаться сразу в начале определить объект исследования, и что это возможно сделать только после детальных исследований. Многие из них подчёркивают, что, как бы мы ни определяли сферу «религиозного», всегда останется область или пограничная зона неопределённости, и будет трудно провести чёткую границу между религией и нерелигией. Насколько бы это ни было верно, границы всё же должны быть установлены, потому что без их определения исследование не сможет избежать путаницы.

О религии нельзя мыслить вне социального контекста, и она должна, как и любое другое явление, рассматриваться в рамках определённых социально-исторических обстоятельств. Религия — это не только состояние духа, но и определённая практика. Она реально присутствует в исторической и культурной ситуации, и именно социология религии интересуется познанием религиозного поведения человека, которое не происходит в

социальной изоляции. Религия чаще всего понимается как форма общественного сознания, как мировоззрение, то есть как часть культуры. Независимо от того, к какой категории она относится, религия представляет собой одну из важных сфер человеческой жизни, так как она ставит фундаментальные вопросы человеческого существования и отвечает на них.

Таким образом, религию можно определить как веру в загробный мир или как связь человека с «загробным» существом. Религия часто определяется также как вера в Бога.[389] С социологической точки зрения, изучение религии включает две области:

- *Объективно видимый мир религии*, то, что установлено, доступно, унаследовано, повторяемо (Библия, Коран), мифы, ритуалы, символы.
- *Процесс постоянного возникновения религии*, что-то новое, неизведанное, личное: внутреннее переживание, чувство, эмоциональное состояние, мотивы, взгляды, мнения.

Религия включает в себя как сознательное, так и бессознательное, убеждения и взгляды, организацию и действия. Это смесь психологии и идеологии, в которой переплетаются сакральные и идеологические феномены, небесные и земные социально-политические цели и интересы. Это предполагает необходимость социологии учитывать эту сложность религии как социального явления. Важным элементом в понимании религии является роль символа. То, что позволяет символ, не позволяет понятие. О значении символа решает не сознание, а жизнь. Символ не объясняет что-то из внешнего мира, а открывает и называет что-то из внутреннего опыта человека с абсолютной и мистической силой.

Если различные социальные группы понимают одно и то же послание разными способами, то очевидно, что их понимание не определяется только содержанием религиозного послания (текстом), но и условиями понимания (контекстом). «Символы —

[389] Vuko Pavićević, Sociologija religije, treće dopunjeno i prošireno izdanje, BIGZ, Beograd, 1988. godine, str. 11.

это душа религии, потому что всё, что происходит в ней, находится в сфере символа. Через символы она живёт и через символы она понимается. Если символ теряет свою силу, и религиозная традиция теряет дыхание, угасает. Каждый интерес к символам так или иначе означает и интерес к религии.»[390] Онтологическое значение символа предполагает, что Бог не препятствует развитию человека, потому что иметь Бога как высшую духовную ценность означает иметь возможность для духовного развития. Бог — это конечная мера человеческого развития, и без этой меры невозможно жить достойной и осмысленной жизнью. Бог — символ того, чем человек может стать, если прислушается к божественному голосу внутри себя, ведь человек без веры — это человек без меры.

Социологическое значение символа Бога понимается как символ интеграции сообщества в единую целостность, несмотря на все социальные различия и противоречия. «Пока сообщество верует в одного Бога, можно сказать, что нет разницы между социальной и религиозной общностью — религия является столь же социальной явлением, как и общество религиозным явлением. Пока действует эта символическая связующая ткань, существует и сообщество: оно распадается, когда эта связующая ткань рвется, и тогда «смерть» Бога совпадает с распадом сообщества.»[391]

Институционализация и политизация веры

Современная социология все больше предупреждает о появлении политизации веры, ее инструментализации и клерикализации, а также о возможности манипуляции массами через инструментальное обращение к ним. Институционализация приходит с усложнением общественной жизни и происходит через превращение определенного типа социальной активности или поведения в различные, социально принятые нормы. Опыт показывает, что любая институция со временем становится консервативной, и именно она играет роль в институционализации ценностей, то есть в обеспечении их долговечности и

[390] Đuro Šušnjić, Žetva značenja, Čigoja štampa, Beograd, 2005. str.43-53
[391] Там же.

стабильности. Это также касается церкви, которая как институция существует внутри человечества. В этом контексте можно объяснить и требование Папы Бенедикта XVI о введении христианских корней в основной договор Европейского Союза. Папа подчеркивает, что необходимо создать европейский дом, в котором все будут комфортно жить, и это станет возможным, если он будет построен на прочных основах общих моральных и культурных ценностей нашей истории и традиций, и если христианские традиции не будут отрицаться.

По мнению А. Изетбеговича, «Ислам — это единственная мысль, которая могла пробудить воображение мусульманских народов и достичь у них необходимой меры дисциплины, вдохновения и энергии. Ни один другой идеал, чуждый Исламу, никогда не смог оказать значительного влияния ни на культуру, ни на государственное устройство. На самом деле, все великое и достойное упоминания в истории мусульманских народов было создано под знаменем Ислама. Только несколько тысяч настоящих исламских бойцов заставили Англию в 50-х годах двадцатого века уйти из Суэца. Турция как исламская страна владела миром. Турция как европейский плагиат является третьеразрядной страной, подобных которой есть еще сотни в мире. Альтернатива ясна: либо движение в сторону исламского обновления, либо пассивность и стагнация. Для мусульманских народов третьей возможности не существует… Мы должны быть сначала проповедниками, а затем воинами. Наши средства — это личный пример, книга, слово. Когда к этим средствам присоединилась бы сила? Выбор этого момента всегда конкретен и зависит от множества факторов. Однако можно установить одно общее правило: исламское движение должно и может подойти к захвату власти, как только оно морально и численно станет достаточно сильным, чтобы не только разрушить существующую неисламскую власть, но и построить новую исламскую власть».[392]

[392] Источник: ″Islamska deklaracija″, autor A. Izetbegović, izdanje, Bosna, Sarajevo, 1990. str. 1-4 i 43.

Впечатляющие примеры исходят и от рейса Мустафы Церича, и они особенно тревожны, поскольку речь идет о религиозном лидере боснийских мусульман. Особенно значимо его послание на Шестом Евразийском исламском совете в 2003 году, когда он с гордостью говорил о своей привязанности к турецкому султану Мехмеду Фатиху, который известен тем, что разрушил средневековое боснийское государство. «Я горжусь тем, что могу здесь сказать, что я потомок Мехмеда Фатиха, который познакомил моих предков с исламом», — сказал тогда рейс Церич. «Пусть всем будет ясно, что мы, хорошие бошняки, имеем три облика, три взгляда, через которые мы видим себя и мир вокруг нас. Первый облик и наш взгляд — это Мехмед Фатих, который научил нас любить ислам», — сказал он, среди прочего, напомнив, что остальные два облика — это Гази Хусрев-бег и Алия Изетбегович.

«Указанные примеры показывают, что клерикализм характеризуется злоупотреблением религиозными чувствами со стороны духовенства и веры в политических целях. Это манипуляция религиозными чувствами отдельных лиц и групп, при этом не имеет значения, исходит ли она от церкви или государства. История полна сюрпризов. Ложные религии тоталитаризма заменили настоящие. Возвращение религии в политику очевидно повсюду. Секулярные установки западных демократий больше не такие крепкие. В Европе Ватикан лоббирует принятие Бога в преамбуле предложенной Конституции ЕС. Страны в переходный период сразу же приняли веру. Израиль долго избегал проекта Конституции, потому что секулярные граждане боятся, что ортодоксальные евреи навяжут им свои ценности. Исламские законы шариата (араб. šari´a) входят в политическую жизнь в самой жесткой своей версии, от Ирана до Нигерии. Почему религия вернулась в секулярную и демократическую политику? Основная причина, вероятно, в том, что «просвещенные» страны мира стали неуверенными в своих собственных ценностях, даже в самом «просвещении». Ширится моральный релятивизм, что заставляет многих принимать табу

всех религиозных групп во имя толерантности и мультикультурализма».[393]

Трагический 11 сентября 2001 года, американское объявление войны терроризму и попытка создать широкую международную коалицию для борьбы с терроризмом, военная интервенция в Афганистане и Ираке с известным исходом, призыв к джихаду, еще больше актуализировали рассмотрение сложной проблемы исламского мира. Существует ли конфликт цивилизаций или он потенциально возможен? Сэмюэль Хантингтон утверждает, что глобальная война, которая охватывает важнейшие страны ведущих мировых цивилизаций, крайне маловероятна, но не невозможна. Такая война может возникнуть из эскалации конфликта из-за неудовлетворительных границ между группами из разных цивилизаций, скорее всего, включая мусульман с одной стороны и немусульман с другой. «Некоторые западники утверждают, что Запад не имеет проблем с исламом, а только с исламскими экстремистами. Четыреста лет истории говорят иначе. Отношения между исламом и христианством, православным и западным, часто были бурными. Иногда преобладал мирный сосуществование, чаще интенсивное соперничество и различные степени горячей войны. На протяжении веков эти две религии поднимались и падали в ряде значительных волнений, перерывов и контрреакций. Причины этого постоянного конфликта не лежат в переходных феноменах, таких как страдания христианства в двенадцатом веке или мусульманский фундаментализм в двадцатом веке. Они исходят из природы двух религий и цивилизаций, основанных на них.»[394]

Возвращение религии открыло двери для конфликтов, которые, казалось, давно были забыты. Год спустя после насильственных протестов мусульман из-за датской карикатуры пророка Мухаммеда, усиливаются противостояния Европы и США с одной стороны и мира ислама с другой, угрожая подтвердить тезис Самюэля Хантингтона о неизбежности

[393] Барашин, О. *Противрјечности босанскохерцеговачке стварности,* НУБЛ, Бања Лука, 2021. стр. 86.
[394] Semjuel Hatington, Sukob civilizacija, CID, Romanov, Banja Luka, 2000. str. 231-233.

«столкновения цивилизаций». Все больше тех, кто хочет политически эксплуатировать насилие, основанное на религиозной концепции, особенно после 11 сентября. Превышают ли инциденты рамки ксенофобии и антииммигрантских настроений, которые агрессивно распространяет западная правая часть, утверждая, что ислам несовместим с европейскими ценностями? Входим ли мы в опасную эпоху «исламофобии» и поиска врага в исламе? Всё обостряется, потому что этот феномен растёт на фоне угрозы «исламского» терроризма. Ислам всё чаще ассоциируется с терроризмом и насилием. Является ли это поиском исламского врага в эпоху, когда 20 миллионов иммигрантов с южных берегов Средиземного моря сделали ислам одной из крупнейших религий ЕС, после христианства, конечно, и когда вопрос о членстве Турции в ЕС дополнительно разогревает атмосферу?

Когда в августе 1998 года две взрывные волны разрушили посольства США в Кении и Танзании, мир впервые услышал об «Аль-Каиде», организации исламских милитаристов, созданной десять лет назад с огромной помощью тех, кто позже станет главной целью Осамы бин Ладена – американцев. Вашингтон финансировал, обучал и снабжал Аль-Каиду для помощи в разрушении советской оккупации Афганистана, где позже, в лагерях под патронажем ЦРУ, обучались чеченские сепаратистские лидеры, а также вводились моджахеды в Боснию, с закрытыми глазами пропускались действия их любимцев из Освободительной армии Косова в глобальный терроризм.

До нападения на Америку 11 сентября администрация США предоставила талибам Муллы Омара более 40 миллионов долларов. Американская концепция борьбы с глобальным терроризмом привела к тому, что сегодня терроризм стал сильнее, чем в марте 2003 года, когда США совершили агрессию против Ирака. Брутальное применение силы отвернуло обычный мусульманский мир от Америки. Своей политикой Америка прямо способствовала политизации ислама и укреплению его фундаменталистского крыла. Социальная поддержка милитаристских групп не снижается, а растет. Даже среди мусульманок, которые не могут смириться с тем, что в Аль-Каиде

нет женщин, и не принимают совет оставаться дома и воспитывать детей для джихадистов. Если они могут умирать как смертники, что является самой распространенной практикой в Ираке, они требуют сражаться. Конфликтам способствуют также умеренные исламские теологи, чьи голоса редко и слабо слышны. Это подогревает сомнения, что критика несовместима с исламом, и что мир ислама своими угрозами пытается навязать свои ценности светским обществам Европы.

Можно ли еще критиковать ислам? Мусульмане считают такие критики «богохульными» или «исламофобными», и их милитанты, ловко используя СМИ, реагируют глобально и насильственно, распространяя стереотип о «западном заговоре» против исламского мира. Тишина, окружающая толерантный ислам, таким образом превращается в гул милитаристских мусульман, чье послание становится единственно слышимым. Многочисленные исследования, которые занимаются тем, что объединяет мировые религии, подтверждают, что мира не будет, если его не будет между религиями и церквями. Пока религии не будут работать над исследованием того, что их объединяет, особенно с теми, кто находится рядом, не будет настоящей основы для мира. Различия между религиями настолько велики, что вызывают напряженность и конфликты. Каждая из них утверждает, что является единственно верной верой в истинного Бога, и это приводит к исключительности как исходу средневековых крестовых походов, а сегодня – к святой войне или джихаду.

Босния и Герцеговина в многорелигиозном характере общества

Босния и Герцеговина — это страна, которую трудно понять. Кажется, что мир ее не понимает, но трудно понять и тех, кто в ней живет. Ее часто рассматривают как троицу — политику, культуру, религию, геополитику и кто знает что еще. Балканская и глобальная геополитика во многом переплетаются в Боснии и Герцеговине. Многие интересы на этом небольшом треугольном пространстве пересекаются, сталкиваются или совпадают. Здесь веками происходили конфликты. Народности, культуры, религии — все сталкивались. Здесь велись и бои против оккупантов,

агрессоров или тех, кто не разделял чужие взгляды, но часто мы не соглашались, кто на самом деле является оккупантом, агрессором. Распад Османской империи и ее исчезновение с этих земель вызвали новые войны. Началась борьба за наследие Османской империи на Балканах. Внешние силы, претендующие на контроль над балканским регионом, сформировали геополитический крест на этой территории.

Без встреч не было бы ни конфликтов, ни других взаимодействий, а встреча культур в Боснии и Герцеговине, как и на Балканах, чаще всего бывает неупорядоченной и трагичной. Встреча восточного и западного христианства после драматичного раскола в нашем регионе часто отмечалась враждой, а почти никогда духом христианской любви. Приход Османской империи еще больше ухудшил ситуацию многовековым отделением балканских христиан от христианской Европы. Вместе с религиозными противоречиями в более новые времена возникли новые проблемы, принесенные национальными, освободительными и затем сепаратистскими движениями, а также идеологическими и политическими противоречиями. В Боснии и Герцеговине, к сожалению, было упущено множество возможностей для преодоления различий и создания синтеза цивилизационных достижений и религиозных добродетелей, который был бы приемлем для всех и спасительный, где трудно примиримые противоречия превратились бы в элементы гармонии и таким образом достигли бы сбалансированных решений. Несмотря на общий язык, который как объединяет, так и разделяет людей в Боснии и Герцеговине, страна по-прежнему напоминает Вавилонскую башню. Нерешительность Алии Изетбеговића публично отмежеваться от Исламской декларации вызвала страх среди немусульман. Когда началась война, боснийские сербы и хорваты покинули территории, контролируемые боснийским правительством, а оставшиеся постепенно были исключены из более выгодных рабочих мест и участия в социальных институтах. Ислам стал более важным внутри мусульманской общины, а сильная мусульманская национальная идентичность стала частью политики и религии. Религиозное учение распространилось в школы, а новые учебники подчеркивали достоинства османского

правления. Боснийский язык стал продвигаться как отдельный, и в него стало все больше вноситься турецких и арабских слов. Подчеркивание религиозных идентичностей, которые привели к войне и этническим чисткам, предпочтения его лидеров и поддержка и давление со стороны других мусульманских государств медленно, но уверенно трансформировали Боснию из Швейцарии Балкан в Иран Балкан.

Босния и Герцеговина — страна переплетений религий, культур и наций, и военный опыт подтверждает результаты указанных исследований. Именно в войне в Боснии и Герцеговине произошло усиленное использование религий и религиозных институтов в политических целях и для достижения национальных целей, которые якобы стояли выше человека и веры, то есть Бога. Историческая реальность в Боснии и Герцеговине такова, что для сербов православие, для хорватов католичество, а для мусульман — ислам представляют одно из основных признаков национальной идентичности. Это прямо способствовало использованию религий и религиозных институтов в военной мобилизации. Это и является основной причиной того, что религиозные общины не смогли полностью выполнить свою религиозную миссию, а были прямо втянуты в военный конфликт. В войне в Боснии и Герцеговине вера была тяжело предана. Ее основы были преданы. Люди не «любили друг друга как братьев и Бога своего». В Боснии и Герцеговине люди различались прежде всего по своей вере, и каждый народ предал свою традиционную веру. Существо Боснии и Герцеговины было определено различиями в вере, и уничтожить одну из них значит уничтожить это историческое существо.

Часто говорят, что война в Боснии и Герцеговине была религиозной войной. Однако эту теорию невозможно теоретически доказать, потому что характер войны в Боснии и Герцеговине гораздо сложнее и ближе к определению, которое классифицирует эту войну как трагический гражданский конфликт. Кроме того, войны не вели ни церкви, ни религиозные общины, ни епископы, ни священники, а политики и генералы. Однако стоит учитывать и другие факты. Линии разделения между религиями в бывшей Югославии превратились в первые линии

конфликта, и религиозные общины показали, что они не были готовы и не были в состоянии предотвратить тот ад, который надвигался. Этот провал является мрачной реальностью, с которой нам всем нужно столкнуться. В Боснии и Герцеговине у нас два Христа, Мухаммед, Будда, а каких-то других богов мы не имеем. Почему солдаты католической веры разрушают православные церкви и стреляют в иконы Христа и других святых, почему православным солдатам мешают католические церкви и их иконы, а также мечети? Почему джихад ведется против христиан? Почему верующие одной веры противостоят верующим другой, третьей или любой другой веры? Почему для верующих одной веры неверующие — все те, кто принадлежат другой вере? Алия Изетбегович в Исламской декларации говорит: «Мы должны, следовательно, быть сначала проповедниками, а затем воинами. Наши средства — личный пример, книга, слово. Когда к этим средствам присоединится сила? Выбор этого момента всегда конкретный вопрос и зависит от ряда факторов. Однако можно поставить одно общее правило, исламское движение должно и может подойти к захвату власти, как только оно морально и численно настолько силно, что может не только свергнуть существующую неисламскую власть, но и построить новую исламскую власть».[395] Отец Сречко Перич призывает: «Братья хорваты, идите и перебейте всех сербов, сначала перебейте мою сестру, которая замужем за сербом, а потом всех сербов отряда. Когда закончишь эту работу, приходи в мою церковь, принеси обеты и причастись, и тогда все твои грехи будут прощены».[396]

Историческое напоминание неизбежно для того, чтобы задать вопрос, на чём сегодня основывается Босния и Герцеговина. Насколько глубок «резервуар политической воли», на котором сегодня существует Босния и Герцеговина, и где находится этот резервуар? Вехабизм и его толкование ислама, которое пришло в Боснию и Герцеговину с бойцами для международного джихада и исламскими миссионерами в девяностые годы прошлого века, из-за своей идеологической близости с международным

[395] Изетбеговић, А. *Исламска декларација,* Босна Сарајево, 1990. стр. 1-4, 43.
[396] Фра Сречко Перич с алтаря францисканской церкви в Ливне 1942 года.

терроризмом, сегодня ставит эту страну в ряд территорий, которые считаются подходящими для набора и подготовки террористов.[397]

По всей видимости, нам еще предстоит подождать время, когда в общественном, а особенно политическом употреблении в Боснии и Герцеговине утвердится хотя бы один преимущественно нормальный, не обременённый, не идеологизированный язык, менее подверженный манипуляциям и более устойчивый к фальсификациям. Это, а не какой-то трудно вообразимый «речь любви», является настоящей альтернативой разрушительной речи ненависти. Если «речи любви» не проходят, меняются высказывания, то необходимо менять ораторов и таким образом предотвратить речь ненависти и языковые манипуляции вообще, включая Боснию и Герцеговину и религиозный нарратив.

Заключение

Политика и религия присутствуют в каждой цивилизации, являются частью человеческой жизни и самой сути каждого общества, и, следовательно, в Боснии и Герцеговине, при этом религия и политика могут быть конструктивно объединены в один контекст. Если факт того, что религии быстро проникают в политику, и есть таковой, то увеличивается потребность в взаимном ознакомлении. Это подтвердил и визит папы Бенедикта XVI в Турцию. Его прежние замечания могли быть интерпретированы как враждебные по отношению к исламу, но на этот раз он настоятельно подчеркнул, что христиане и мусульмане должны «лучше узнать друг друга, уважать различия и осознавать, что у них общего».

[397] Сенад Агич, имам Исламской общины Боснии и Герцеговины в Соединенных Штатах, утверждает, что ваххабизм и ваххабитские идеи начали поступать в Боснию и Герцеговину значительно раньше последней войны и прихода бойцов международного джихада. «Со мной, вероятно, не согласится много кто, но все мы, невольно, постепенно усваивали ваххабитские идеи. И я, как ученик медресе Гази Хусрев-бега, изучал ислам у тех преподавателей, которые учились в Каире, Багдаде и других исламских университетах, и которые невольно приносили эти идеи в БиГ и передавали их своим ученикам. Я говорю невольно, потому что только в последнее время мы начали различать, что принес традиционный ислам боснийским мусульманам, а что — ваххабитская версия ислама.» (www.slobodnaevropa.org/specials/al_kaida/14_bosanski_islam.htm)

Диалог — это требующий усилий, тяжелый и ответственный процесс, который требует полной преданности и всесторонней подготовки. Он требует настойчивого стремления познать истину о себе, о другом и о мире. Диалог требует веры в себя, но и веры в другого, в человека. Вопрос о том, какая религия лучше или самая лучшая, а также утверждение «только моя вера правильная, а все другие неправильные» не является основой для диалога и терпимых отношений, так же как и для любой формы сотрудничества. Если другая вера не признается как составная часть собственного взгляда на мир, тогда она воспринимается как возможная угроза.

Если верующие и неверующие вместе строят этот мир, то они не могут делать это без взаимного понимания, разговора и соглашений. То, что будет происходить с верующими, не может быть отделено от того, что будет происходить с неверующими. Если это так, а это безусловно так, то нельзя принять позицию радикального исламского священника Абу Хамзы аль-Мисри (Камель Мустафа Камель), который во время войны был в Боснии и Герцеговине в отряде «Эл Муджахидин» Бошняцкой армии БИХ и одним из лидеров радикализации местных мусульман в ведении джихада — «священной войны». О его радикализме свидетельствует содержание одной из его проповедей, в которой он сказал: «Если кяфир (неверующий) войдет в мусульманскую землю, он как корова. Каждый может его поймать. Это исламский закон. Если кяфир заходит и вы его поймаете, он — добыча. Можно продать его на рынке. Большинство из них шпионы, и даже если ничего не делают, если мусульмане не могут их продать на рынке, можно их убить. Это нормально...».

Одной из возможных моделей межрелигиозного сотрудничества является экуменизм, который обозначает отношение между церквями и религиозными общинами, призывающее к диалогу и сотрудничеству с целью распространения веры и «безопасного деления религиозного пространства». Экуменизм — это более узкое понятие, чем религиозная толерантность, и подразумевает избегание напряженности и конфликтов, призывает к мирному сосуществованию всех религиозных направлений и движений, к

взаимному пониманию и уважению. Свобода веровать подразумевает и свободу не верить. Это свободы, которые принадлежат людям как природным существам и гражданам мира, независимо от расы, класса, нации, пола, возраста, образования и так далее. О людских свободах и правах нельзя торговать, они касаются всех людей или их нет.

Современные религии должны оцениваться по тому, сколько они вносят в совместное существование, в понимание и любовь, а не по тому, чем они различаются теологически, философски или исторически. Религию следует оценивать по тому, насколько она готова к диалогу, пониманию и соглашению с другими религиями ради общего блага. Веры и верующие всех религий не могут утверждать друг друга против друг друга, а только вместе или рядом друг с другом.

Проблема, с которой мы сталкиваемся в Боснии, заключается в том, что с конца восьмидесятых и началом девяностых годов прошлого века произошло подчеркивание отдельных национальных, религиозных и культурных идентичностей. Это был процесс либерализации после падения социализма, и этот процесс, конечно же, был оправдан как способ завоевания свобод в обществе. Однако, чтобы мы могли иметь Боснию и Герцеговину как сообщество, существует граница, на которой можно иметь разделенные культурные и национальные идентичности, а с другой стороны, мы должны иметь какой-то «культурный гибрид» между различными национальными и культурными группами, если мы хотим, чтобы это сообщество выжило.

Разговоры о необходимости и нужде толерантности в расово, этнически и религиозно смешанных сообществах очень полезны и действенны, когда речь идет об устранении заблуждений, которые имеют отдельные люди или группы относительно друг друга, потому что заблуждения могут быть устранены рациональными доводами. Сравнивая мировые религии, очевидно, что в их учениях преобладают установки понимания, терпимости и любви. Если это так, то откуда тогда ненависть, споры и войны? Ответ прост: эти явления не происходят из религии, а из религиозной идеологии (клерикализм,

национализм, фундаментализм), когда вера ставится на службу ограниченным интересам. Если бы война зависела от веры, войны бы не было, потому что, как правило, веры — это веры в мир, с принятым правилом «не делай другим того, что не хочешь, чтобы тебе делали». Если все религии проповедуют человеколюбие, мир и толерантность, то конфликты во имя религии не являются теологическими, а идеологическими по своей природе. Таким образом, не сражаются теологии, а идеологии.

ЛИТЕРАТУРА

Барашин, О. Противрјечности босанскохерцеговачке стверности, НУБЛ, Бања Лука, 2021.

Изетбеговић, А. Исламска декларација, Босна Сарајево, 1990.

Милин, Л. Научно оправдање религије, књга 4 и 5, Графосрем, Шид, 1993.

Нова политичка мисао. Црква и држава, посебно издање, Београд, 2007.

Павићевић, В. Социологија религије, треће измјењено и проширено издање, БИГЗ, Београд, 1998.

Танасковић, Д. Ислам и ми, Партенон, Београд, 2006.

Фром, Е. Психоанализа и религија, Напријед, Загреб, 1986.

Хамилтон, М. Социологија религије, ЦЛИО, Београд, 2003.

Хатингтон, С. Сукоб цивилизација), ЦИД, Романов, Подгорица, Бањалука, 2003.

Шушњић, Ђ. Жетва значења, Чигоја штампа, Београд, 1997.

Шушњић, Ђ. Драма разумијевања, Чигоја штампа, Београд, 2004.

Ostoja Barašin
Professor, PhD, Theoretical Sociology
Independent University (NUBL)
Banja Luka, Republika Srpska, BiH
barasinostoja@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-6451-1796

THE RELIGIOUS FACTOR IN BOSNIA AND HERZEGOVINA AS A DETERMINANT OF POLITICAL AND INTERETHNIC RELATIONS

Abstract

This paper deals with the problem of the religious factor in Bosnian-Herzegovinian reality. The paper aims to show the degree of instability and internal contradictions in a multi-religious community like Bosnia and Herzegovina. Contemporary sociology increasingly warns about the political use of religion, its instrumentalization, and clericalization, as well as the possibility of instrumentalizing the masses and manipulating them. Institutionalization occurs with the complication of social life and transforms a particular social activity or behavior into various socially accepted norms. False religions of totalitarianism have replaced the true ones. The return of religion to politics is evident everywhere, including in BiH. Key political actors in BiH interpret the causes of the crisis, the nature of the conflict, and the future organization and functioning of the state structure differently. Exclusivism and intolerance are the main barriers to overcoming the long-standing strife among the people of BiH. Manipulation of religious feelings and the lack of a unified public opinion make BiH increasingly distant from proper stability and everyday life for all citizens. Many studies focusing on commonalities in world religions confirm that there will be no peace if there is none among faiths and churches. As long as religions do not begin to work on exploring what is familiar to them, especially to those in their neighborhood, there will be no proper foundation for peace. The dominant methods used in the paper are historical-comparative and content analysis methods and induction.

Keywords: *Religion, conflicts, BiH, politics.*